

ЗАПИСИ ТУРИСТА

Е. ИВАНОВ (ФИЛИППЫЧ)

ПЕРВЫЕ ВЕРСТЫ

Станция Уйбат Ачинск-Минусинской жел. дор. Дальше поезд уходит без нас.

До ближайшего улуса три версты. Довозят быстро. Но дальше опытные туристы рекомендуют не торопиться, а всерьез располагаться на отдых. Найти в улусе лошадей до Аскыса, до Таштыпа или просто до первой заимки не так уж просто.

С хозяином можно поговорить. Нужно рассказать ему о своем здоровье, узнать о его здоровье, поделиться последними новостями. И часто только для того, чтобы через пятнадцать-двадцать минут узнать о том, что у хозяина лошадей сейчас нет и поэтому он, несмотря на все его сильное желание, помочь вам ничем не может.

Впрочем, к утру уедете.

Серые космы пыли — как верстовые столбы в степи. По ним угадываешь дорогу.

А дорога — пыль, солнце, сожженная трава. Только по речным низинам стелется густая зелень. Остальное — пустошь. И вправо, и влево на десятки верст. Не ради же прекрасных глаз оставили хакасам все это приволье русские колонизаторы? В такой степи крестьянам делать было нечего.

Хороший возница скучную дорогу сдвигает старой сказкой. Если турист чуточку историк или языковед — стоит записать. Сказку создавал народ, втискивая в нее свое незаурядное прошлое и ленивое степное, настоящее. Настоящее, которое для нынешних хакасов становится тоже прошлым.

СТЕПЬ

О Хакасии принято думать, как о романтическом, но некультурном захолустьи. Живой памятник примитивного скотоводства. Женщина, дескать, работает, мужчина, дескать, пьет, а стада сами по себе растут и множатся.

С точки зрения зажиточного минусинского соседа, хакасы —

— Дикий народ! Крещенные татары, и все тут!

Поэтому стоит остановиться хоть на день в центре сегодняшней степной культуры — Аскысе.

Зайдите там в мелиоративное товарищество и вам покажут плотину, всю систему каналов, оживившую Узюмскую пустошь, электростанцию, мельницу, лесопилку, тракторную колонну.

Болтаясь по улицам, вы сами наткнетесь на новую больницу, на ясли, битком набитые раскесыми ребятами, на клуб... Да мало ли на что еще! Поезжайте сами.

Будьте туристом! Интересно и полезно. Особенно для людей, имею-

щих склонность к художественной литературе.

Кстати, о литературе.

Когда в одном улусе мне понадобилось что-то записать в блок-нот, гостеприимный хозяин юрты положил мне на колени, — чтоб не помялась бумага, — толстую книгу. На обложке книги значилось:

— XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет.

В ГОРЫ

В одном из улусов за Аскысом пора уже менять тарантас на седла. Хотя еще не обязательно.

Выше становятся пригорки. Все больше и больше сутулятся березы, уходя в землю. Их сменяют высокоствольные лиственницы. По самое седло врезаются лошади в густую таежную траву. Стебелек, еле заметный в степи, здесь вытягивается в человеческий рост. На полянах — прямо персидские ковры, расшитые сочными ирисами, сарангой, водосбором, орхидеями, гелиотропами, левкоями. Заросли караганника.

Предгорье Кузнецкого Алатау.

Справа, за светлой лентой Прихучула — быстрой горной речушки — лезет в небо голова священного Сахчаха, вся изборожденная морщинами натающего снега. Это хакасский Арапат. Именно здесь, по преданиям, остановился громадный, сколоченный медными гвоздями плот, на котором спаслись от всемирного потопа старейшины племени.

На несколько верст дальше, в верховьях другой горной речушки — Баи — притулился первый охотничий улус.

В степи — юрты бревенчатые, а здесь в тайге, — из коры лиственника. В юрте на мужской половине — седло, литовка (коса), сумка и ружье. На женской — глиняные чашки, кадки, ручная мельница — два неуклюжих деревянных обрубка.

Хозяин — охотник Тахтай — демонстрирует свое орудие производства — тяжелую, изувеченную громадину екатерининских времен. Ставит ее на сошники (иначе стрелять невозможно), насыпает пороха на полку, кремнем высекает искру...

Из этого ружья Тахтай бьет белок!

ОКОЛО ЗОЛОТА

Последний, попадающийся на пути, большой улус — почти обрусевший Матур. До него еще можно кое-как добраться на подводе, а за ним колесная дорога кончается совсем. Дальше на триста верст, вплоть до Телецкого озера на Ал-

тае, — тропа через пасеки, заимки, брошенные прииска. Глухая, сумрачная нелюдь.

Тайга и горы стиснули улус со всех сторон. С юга надели тасхылы — безлесные вершины, опущенные снегами.

На площади улуса жметесь к пригорку неуклюжая, давно заколоченная церковь. Молиться никому уже не хочется, а превратить ее в клуб некому догадаться.

От церкви разбегаются вниз кривые переулки, увязшие в тополях и навозе.

По праздникам в Матуре бушуют таежные гости — специалисты по золоту, пуле и ножу. Поэтому здесь через два дома в третий торгуют самогоном и брагой. За драгоценный песок отпускают и очищенную.

Как это делается, я видел сам, путешествуя по избам за лошадьми и проводником. Подвыпивший хищник с перевязанной рукой высыпал на-глаз из мешочка семилетнему мальчонке на ладонь свое золото. Мальчонка уже знал цену контрабандного товара. Знал и шинки. В Матуре пока-что дети воспитываются так же, как воспитывались их отцы.

ЗАИМКА В ТАЙГЕ

Верстах в 80 от Матура таежная тропинка уводит туристов вправо на перевал — водораздел системы Абакана и Мрас-Су.

Мрас-Су, до сих пор еще золотосносная река, уже не в Хакасии. За перевалом — уголок Горно-Шорского района Ойротской области.

На уровне головы — снежные расселины и сотни верст над шапками соседних перевалов. Ниже — буйная трава, кедр и пихта. И в котловине светлыми подпалинами на костлявых боках пригорков редкий березняк, осинник и тальник по берегам Мрас-Су.

Лошади путаются в колоднике, до стремян купаются в болоте. Кажется, никуда не выведет надоевшая тропинка, так и запутается где-нибудь в кочках. И вдруг — поскок, сенокос и небольшой шорский поселочек Усть-Кубань-Су.

Первая постройка — какой-то срубик на высоких сваях — случайно сохранившийся памятник охотничьего прошлого. Здесь пряталась общинная добыча.

В поселке крошечные избы, крошечные амбары в полтора аршина. То же на сваях, но уже невысоких. Две полноты впечатления, собаки вдвое меньше наших. Но лают крепко.

Впрочем, первый шорец нам встретился немного раньше, верст

30 назад, на берегу Айзаса, где мы ночевали в заброшенной заимке.

Заимка это — что-то вроде постоянного таежного двора. Только без овса, без сена (травы сколько угодно. Прекрасная трава!), без традиционного пузатого самовара и даже без хозяина. Кто первый заехал, тот и хозяин.

Но зато есть, так сказать, «домработник», охотник — шорец. Ему, наверное, лет сто. На голове почерневший платок. Под платком кусок пергамента и на нем рысьи усы. На ногах, таких тонких, какие бывают только у скелетов, болтаются рваные сагиры. Из каждой трещины их лезут зеленые хлопья мягкой, прекрасно заменяющей чулки, травы озамат.

Из русских слов старик знал, кажется, только четыре:

— Запас, порох, спичка и нет.

КЛАССОВЫЙ ВРАГ

Большинство таежных пасечников, видимо, не любят часто попадаться посторонним людям на глаза. Заимки прячутся за пригорками, за ручьем. И, пожалуй, не напрасно...

Стоит ли человеку забиваться к чорту на кулички для того, чтобы поставить там семь-восемь ульев? Какой смысл наживать за лето дватри десятка пудов меда, если до ближайшей деревни полтора-два верста, да и те нужно сделать верхом?

К одной такой пасеке мы присмотрелись. Не много нужно было труда, чтобы обнаружить на ручье примитивное сооружение для промывки золота. Плюс простой расчет: куда девают свое золото хищники? А их в тайге сотни.

Конечно, не каждая пасека — штаб-квартира золотоискателей. Встречались и совсем неподозрительные. Это те, которые ближе к населенным местам.

На одной из них пришлось нам ночевать. Безукоризненно чистая изба. Вороха газет и журналов. Приличная пчеловодная библиотека.

На самой пасеке 19 ульев Дада-на. На каждом свой номер. А в записной книжке хозяина на каждый номер своя анкета. Двадцатый улей — опытный, системы Нуклеус. Омшанника нет — ульи утеплены.

Утеплен, кстати, и скотный двор.

Словом, по-настоящему культурное хозяйство. К тому же поставленное на ноги личным трудом. Без батраков.

Как будто ни одного признака кулацкого хозяйства. Кроме разве того же простого расчета: выгоден ли здесь мед?

Секрет хозяйства открылся совершенно случайно. Утром мы застали хозяина во время разговоров с целой толпой шорцев. Шорцы кланялись и о чем-то просили.

Заметив нас, пасечник в два счета сплавил посетителей и сразу же начал оправдываться.

— Нищета! Голодают. Наберут чего-нибудь в тайге и тащут: возьми, пожалуйста. А мне на что? Из жалости возьмишь иногда...

Так турист может соединить приятное с полезным. Отдохнуть, окрепнуть, изучить свой край и по пути всмотреться в лицо своего классового врага, снимающегося с насиженных гнезд, прячущегося в таежной шире.

По газетным сведениям, сейчас Горно - Шорский район наводнен кулаками - переселенцами.

Не лишне знать — чем живут они на новых землях.

УГОЛОК СТАРОЙ РУСИ

Верстах в 40 от Горячего ключа на берегу Абакана небольшой кержацкий поселок. Четыре двора.

— Было больше. Да ушли, как открыли тропу на Горячий.

— Далеко?

— А кто е знает. От людей ушли.

Положим, и оставшиеся от людей держатся в сторонке. Парни по-старинному острижены в кружок. Ростят бородки. Девушки в пестрых сарафанах, перехваченных лентами.

В поселке своя кузница, свои ткацкие станки. Своя деревянная посуда. Даже вожжи свои, домотканые. На вожжах славянская вязь: «Я марьяна лукична тку вожжи мои летите взвивайся некому вруки не давайся».

Живут кержаки сплавом, охотой, рыболовством. Чем придется. Нас, например, дед Софрон вел на лодке вверх по Абакану до Горячего. Сутки вел, почти столько же перед

этим торговался. Деньги в поселке ценят не меньше, чем цитаты из Библии.

Крепкий, лохматый старик всю дорогу рассказывал. Зверей он знал не меньше, чем людей:

— Всю жизнь в тайге!

Его таежной сноровке, действительно, можно было завидовать.

На подороге нас задержал ливень. Абакан поднимался все выше и выше. А остановиться нельзя — впереди двухверстная быстрина и утром ее уже не пройти. Жди, когда спадет вода.

Две версты стояли двадцати. Брезентовые плащи промокли через пять минут. В сапогах по ведру воды в каждом. Усталость отчаянная.

А когда пристали, Софрон в пять минут соорудил что-то вроде лубяного домика под кедром. Разжег костер.

В конце концов и у кержака можно кое-чему поучиться.

ТАЕЖНЫЙ КУРОРТ

Нет в Хакасии человека, который не слышал бы о Горячем ключе. Сюда съезжаются больные из Бийска, Барнаула, Минусинска, Красноярска, Иркутска, из Ойротии, Танну - Тувы.

Это легко сказать — съезжаются. С запада нужно ехать через Телецкое озеро, от которого до ключа 80 верст почти непроходимой дороги. С востока — от Минусинска верст 200 на таратайке и больше того верхом.

Едут туберкулезные, ревматики, сифилитики, страдающие язвой желудка и всем, чем угодно. Дорогой сплошь и рядом заболевают чем-нибудь дополнительно.

Теперь — самый «курорт». На небольшой площадке, на дне глубокой котловины ванна — неуклюжий, низенький сруб, сколоченный над самым ключом. Под плоской крышей настил из жердей и в нем два окна вниз. Спускаться нужно по жидкой лесенке.

Сначала ключ обжигает. 33 градуса по Реомюру. Но привыкаешь быстро. Через несколько минут тело тяжелеет, наливается приятной усталостью. Выходишь, шатаешься.

Вокруг ванны десятка три палаток, балаганов, шалашей. После ванны — прибежище ненадежное. Если прибавить к этому, что над котловиной не расходятся тучи и дождь идет почти ежедневно, сменяясь иногда снежной бурей с тасхылов, становится понятным, почему рядом с «курортом» есть кладбище.

Кстати, строитель ванн расположил их одну за другой, по течению ручья. Едва ли полезно принимающим нижнюю ванну купаться одновременно с сифилитиком, попавшим в верхнюю.

Врача нет.

Но здоровому человеку побывать на курорте не вредно. Тем более, что с курорта вы возвращаетесь по Абакану.

Местами плот идет со скоростью двадцати верст в час. Местами кружится на месте. Гора сменяет гору. Медвежий заповедник. Водопад, срывающийся с вершины горы.

Не забудьте взять с собой фотоаппарат!

Кроме кержацкого поселка, по берегам вплоть до Матура ни души. Вода и солнце.

Первый день целиком уходит на ожидание утеса Карбонак. Проходят его рано утром на второй день.

Там, где сливаются Большой и Малый Абакан, плот с размаху течением швыряет на утес, ставит ребром, и он бросается вниз, почти задевая бревнами холодный камень.

Дальше спокойно.

АБАЗА

Верстах в четырехстах от Горячего ключа по течению Абакана, немного ниже Матура, притулился к горам теперь уже закрытый Абаканский железодобывающий завод.

Хакасия

«Вечный двигатель» для орошения полей — изобретение кержака-старожила. «Двигатель», к сожалению, не работает. Рядом с «двигателем» стоит сам изобретатель.

Фотоснимок А. Воцакина

Здесь стоит остановиться. Кстати, в пятилетке Сибплана намечены большие изыскательские работы на Абаканских месторождениях. Абаза, очевидно, будет вторым, после Тельбеса, центром сибирской металлургической промышленности.

В архиве завода я когда-то просматривал документы. По изысканиям инженера Келя, на площади только двух штоков на глубине одной сажени залегает 25 миллионов пудов руды. По мнению проф. Бог-

и если эту петлю прорезать каналом, угол падения воды значительно увеличится.

Недалеко от завода обнаружены месторождения марганцевой руды. Найден молибденовый блеск. Это даст заводу возможность вырабатывать высокосортную сталь.

О богатствах Абазы дает некоторое представление и такой факт: завод работал с небольшими перебоями 80 лет. И в его окрестностях нет ни одной штольни. Руду брали

ко и купил вагранку. Вокруг вагранки сколотилась артель.

Взяли в кредит чугунный лом.

— Пока хватит, а там, глядишь, и домнушку пустим.

Сначала пустили вагранку конным приводом, а потом сладили котел, поставили двигатель. Оборудовали механическую мастерскую.

Оборотные средства выколачивают кузница. Члены артели сами по очереди торгуют на Таштыпском базаре ведрами, топорами, вилами.

за машину, размахивал руками за маховик.

И потом долго извинялся.

— Я родился и вырос на заводе. К семье не так привязан, как к нему.

Сторож завода по старой традиции всю ночь отбивает часы в чугунную доску.

— Славно гудит. На сколько верст слышно. По крайности, каждый абазинец чувствует: завод-то!.. жив, старый чорт!.

О ТУРИЗМЕ ВООБЩЕ

С легкой руки какого-то древнего журнала, мне с детства турист представлялся обязательно таким толстым дяденькой в шляпе с пером, которого проводники на веревках тащат куда-то в гору. И это представление не могло сгладиться, по крайней мере, двадцать лет. До тех пор, пока я не столкнулся с настоящим советским туризмом и не стал сам туристом.

Сейчас наступает период отпусков. Сотни тысяч рабочих и служащих ломают голову над вполне естественным вопросом: как лучше использовать свои две недели или месяц? Год тому назад по этому же вопросу читатели «Советской Сибири» сами подняли в газете диспут.

Сходятся все на одном: больше солнца, воздуха и воды! Надо же поддержать слабеющий за зиму организм!

Но как?

Подавляющее большинство до сих пор предпочитает тихое и мирное благодущие на даче, в деревне.

Конечно, для здоровья это хорошо. Но и только.

По-моему же, в наше время лихорадочного строительства, громадного культурного подъема и исключительной жажды знаний — этого мало.

Ни одна краеведческая книжка не даст такого богатого материала, как личные впечатления.

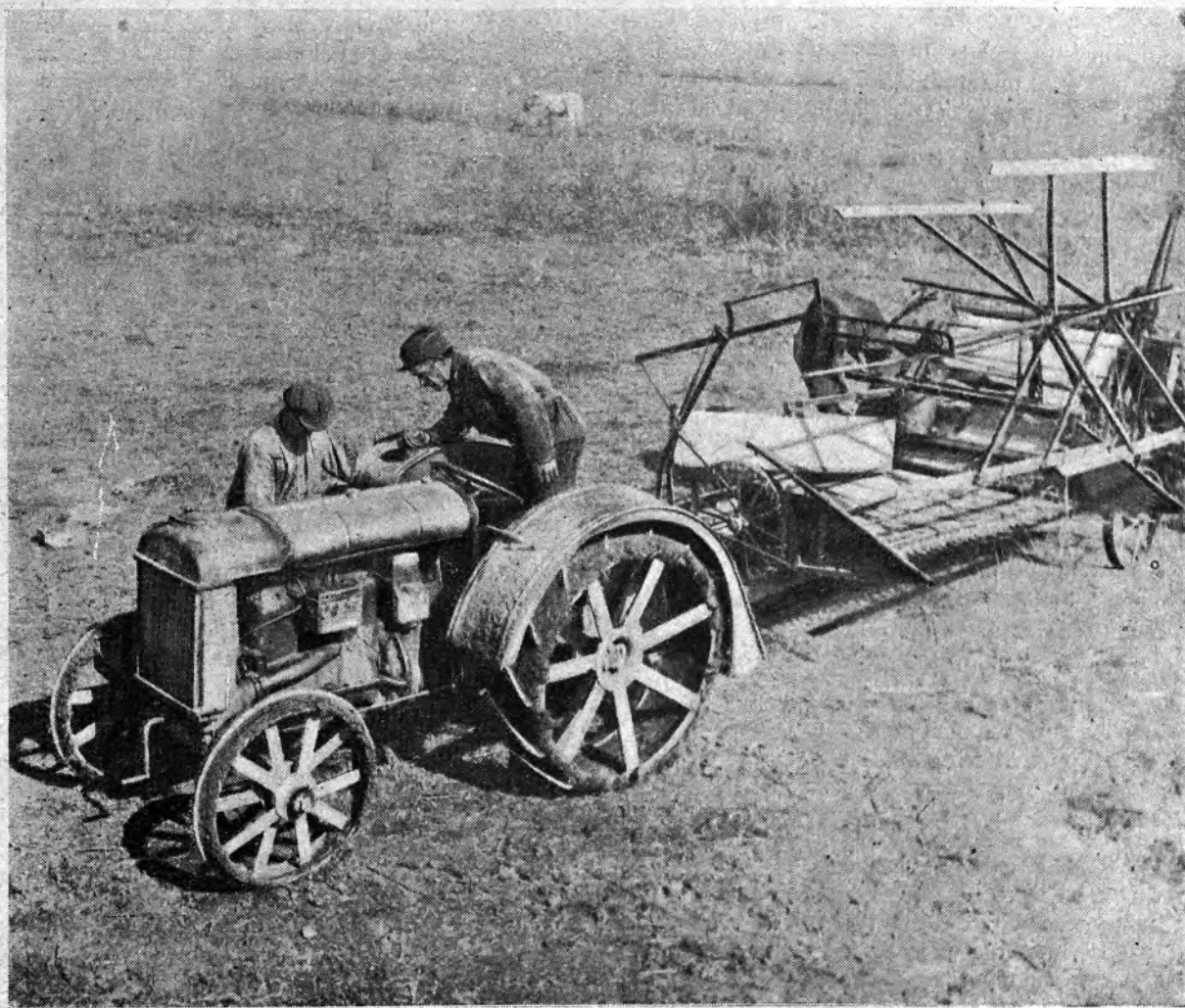
В этом и сила советского туризма. Это не прогулка сытого буржуа «по Европам» со справочником в руках и личным секретарем для протоколирования «богатых впечатлений». Это подлинное знакомство со своим краем, с его производственными ресурсами и возможностями, этнографическими и прочими особенностями.

Вместе с тем, и здоровый отдых. Разговоры об утомительности экскурсий — ерунда.

Маршрут, который указан в этих записях (его, кстати, можно продолжить на лодке по Енисею до Красноярска), конечно, утомляет. Но это утомление только полезно. В дороге этого не заметишь. Туристы даже худеют сплошь и рядом. Но стоит вернуться в город и вы прямо физически почувствуете прилив силы, энергии, бодрости. Хорошая зарядка на зиму.

А ведь есть десятки других маршрутов. И труднее, и легче. По вкусу.

Настоящину за туризм!

Хакасия

ТРАКТОР МЕЛИОРАТИВНОГО ТОВАРИЩЕСТВА Фотоснимок А. Вожакина

дановича, руда эта относится к типу руды Благодати и Высокой на Урале.

Сохранились и работы немецких инженеров Мюллера и Гранквиста. Они, по поручению Людвиг Нобеля, исследовали реку Кантигир. Нобель хотел раскинуть здесь крупные металлургические предприятия, разрабатывать каменноугольные копи. Абаза предполагалась опорным пунктом.

Немецкие инженеры высчитали, что течение Кантигира дает 160 кубометров в секунду. Вода в нем на редкость чиста и прозрачна.

По данным Мюллера, река представляет собой целый ряд крупных порогов, при чем средний из них падает сразу на три метра.

Гранквист нивелировал течение реки выше этого порога на 6 километров и получил общую высоту в 25 метров. Река здесь делает петлю,

прямо с поверхности, на горе над заводом.

Вся беда завода — пути сообщения. Или река, или зимняя таежная дорога.

И вот сейчас завод — пустое место. На дворе — трава, обломки кирпичей, железо и чугун. На месте домны — громадная яма — смертельная рана завода. Стены цехов разрушены, оборудование увезено. Остался на дворе только паровой молот, да в одном из цехов ржавеет воздухоудная машина.

Теперь, наверное, и их нет.

НО ЗАВОД ХОЧЕТ ЖИТЬ

Завод закрыт. Но рабочий послок упорно ждет лучших дней.

— Не может быть, чтобы такое место бросили.

И когда окончательно было решено закрыть завод, один из поселковых обитателей продал свой домиш-

Работает парилка для ободьев, своя столярная.

— Дрожки выходят хоть куда!

И все это с надеждой как-нибудь дотянуть до той счастливой минуты, когда на Абазу проложат настоящую дорогу, когда сотни строительных рабочих взорвут радостным гулом тягостную таежную тишь.

В безработные годы часть рабочих осела на землю, а большинство уходило в тайгу на лесозаготовки, на охоту, на что угодно. Главное — не уйти из поселка.

— Немыслимо уйти!

Старик механик долго водил нас вокруг заброшенной воздухоудной машины. Поворачивал какие-то рычажки, подвигивал гайки. Отдавал распоряжения воображаемым рабочим.

Старик так увлекся, что совсем забыл о нас, сам пыхтел и жужжал